

Епископ Бачский Иринея: никто не имеет права играть многовековым каноническим порядком Православной Церкви

В конце декабря 2020 года иерарх Сербской Православной Церкви епископ Бачский Иринея дал интервью газете «Печат» (Сербия), в котором коснулся, в частности, таких тем, как последствия действий Константинопольского Патриарха на Украине для единства всего Православия и опасность, которую представляют для соборности в Церкви антиканонические решения Константинополя. Предлагаем читателям перевод этих фрагментов интервью на русский язык.

– Положение Сербской Православной Церкви исторически всегда было сложным и предполагало преодоление трудностей и испытаний – как земных, так и духовных. Теми, кто уже давно испытывает озабоченность будущим Православия, часто говорится о введении неопапизма, за которым стоят Константинопольский Патриархат и Патриарх Варфоломей. В том, что касается раскола на Украине, Сербская Православная Церковь заняла позицию, основанную на каноническом Предании. В этой связи Русская Православная Церковь высоко оценила принципиальность Сербской Православной Церкви и блаженнопочившего Патриарха Иринея. Тем не менее, грекоязычные Поместные Церкви (хотя и не все), включая с недавних пор и Кипрскую, разделили позицию Патриарха Константинопольского Варфоломея, которая, по меньшей мере,

проблематична. Как Вам видится перспектива развития событий, вызвавших сильнейшее потрясение в православном мире?

– Проблема «неопапизма», о которой Вы упомянули, к сожалению, в самом деле существует. Произошла следующая эволюция: Константинопольский Патриархат – Церковь-Мать для Сербской Православной Церкви, что является фактом, который не имеем права забыть и который никогда не забываем – совершила противоканоническое вторжение в юрисдикцию Русской Православной Церкви, «реабилитировав» раскольнические общины на Украине, но, к сожалению, не положила конец расколу на Украине и не смягчила его, но, напротив, углубила и продолжила. Расколы, существовавшие до недавних пор на территории Украины, перекинулись оттуда на весь православный мир. Было разорвано каноническое и литургическое общение Московского Патриархата с Константинопольским Патриархатом, а также с теми Предстоятелями и епископами отдельных Церквей, которые признают нераскаянного раскольника Епифания – точнее, гражданина Думенко – легитимным митрополитом Киевским и автокефальным (!) Предстоятелем Церкви на Украине, где, тем не менее, живёт и действует авторитетный и признанный Поместными Православными Церквами митрополит Киевский и всея Украины Онуфрий, с которым – свыше сотни канонических епископов с более чем пятнадцатью тысячами священников и десятками миллионов верующих. Несоборное одностороннее признание раскольнических групп, между тем, вызвало не только раскол между Церквами, но также разделения и трения внутри Церквей, о чём свидетельствуют споры между епископами и богословами в Греции и на Кипре.

В образовавшемся сейчас духовно-каноническом хаосе Сербская Православная Церковь, как Вы правильно сказали, заняла принципиальную позицию безусловной верности многовековому каноническому порядку Православной Церкви, с которым никто не имеет права играть. То обстоятельство, что отдельные люди эту принципиальную позицию толкуют как объединение одних против других, – это проблема их совести и свойственного им понимания Церкви. Мы – не против кого-либо, а менее всего – против славного и мученического Константинопольского Патриархата, который в 1219 году предоставил нашей Церкви автокефальный статус, а в святом Савве распознал личность, достойную стать первым автокефальным Архиепископом Сербским. Однако мы – против шагов, угрожающих единству Православной Церкви или его нарушающих, а также ставящих под сомнение авторитет Православия перед римо-католиками и инославными христианами в целом.

Трудно предвидеть, как будут дела развиваться в будущем, но, рассуждая на основе сходных прецедентов из истории Церкви, надеемся, что в обозримом времени этот кризис будет преодолен. Дай Боже, чтобы как можно скорее!

– Еще на Критском соборе Вы указали на неприемлемость современных попыток

создания в Православии института своего рода «восточного папы» и даже опубликовали текст с Вашей критикой данного подхода. Какая эkkлезиологическая позиция, по-Вашему, позволила бы в наши дни избежать искушений не только централизации, но и анархии?

– На этот краткий вопрос я мог бы ответить весьма подробно – так, что ответ занял бы целый номер газеты «Печат». Если собрать воедино всё, что в этой связи написано, то получилась бы не одна книга, а целые тома. Но здесь, учитывая доступный объём, ограничусь сведением темы к самому главному.

В чём существенно различие православной и римско-католической эkkлезиологии, хотя и одна, и другая признают существование первенства в Церкви? Римско-Католическая Церковь принимает примат Римского епископа – папы – как первенство власти, как верховный авторитет при вынесении решений, касающихся Церкви в целом. Папа стоит практически над собором епископов: даже если бы собрались все римско-католические епископы и что-то решили, папа имеет принципиальную возможность наложить вето и вынести решение по своему усмотрению. Структуру Римско-Католической Церкви мы можем образно представить как пирамиду, в основании которой находятся верующие, над ними – священники, над которыми, в свою очередь, – епископы, а на самом ее верху находится папа. Такая структура нашла выражение в известной латинской пословице «*Roma locuta, causa finita*» (Рим сказал – дело окончено). По правде говоря, «пирамидальное» устройство Церкви было значительно смягчено, хотя и не отменено полностью, на Втором Ватиканском Соборе (1961 – 1965) – так, что был признан авторитет учения Священного Писания и Святых Отцов Церкви, которое преемственно лелеялось и сохранялось в Православии; что Церковь составляет народ Божий, объемлющий всех её членов без различия: епископов, священников, монахов, верующих...

В отличие от устройства Римской Церкви, Православная Церковь не походит на пирамиду. Ей, скорее, подошёл бы образ дома, большого жилого дома со множеством квартир и жильцов, где всякий имеет свою специфическую функцию. Особо важную службу вершат епископы. Они решают общецерковные вопросы на соборах, причём ни один из епископов – даже тот, который председательствует на соборе, – не стоит над собором. Все решения принимаются или единогласно, или большинством голосов. Председательствующий не имеет права вето и при голосовании может оказаться в меньшинстве, однако это не отнимает у него достоинства первого между епископами. Его первенство не есть первенство власти, но первенство чести. Он первый, но не первый вне или над собором, но первый на соборе, «первый среди равных» (*primus inter pares*), но никак не «первый без равных» (*primus sine paribus*), на что уже веками претендует епископ «старого» Рима, а с недавних пор и епископ «Нового Рима», т.е. Константинополя, Царьграда, ныне – Стамбула.

Обе эти претензии неприемлемы для православного понимания природы и устройства Церкви. По 28-му правилу Четвертого Вселенского Собора, епископ Нового Рима получил то же «преимущество чести», которым пользовался епископ Рима в единой тогда еще Церкви, однако при перечислении или в диптихах находился на втором месте – после Римского епископа, потому что римское первенство чести древнее и восходит к апостольской эпохе. Ни одному из них канон не приписывает первенство власти. Такое понятие в церковных канонах вообще отсутствует. Короче говоря, Церковь больше характеризует соборность, а не монархия. Отношения между первым по чести епископом и епископским собором, отличаясь динамизмом, выстраиваются в единственно возможном порядке, определяемом 34-м Правилем святых апостолов: ни первый не может принимать решения единолично, без собора, ни собор – сам, без первого епископа. Богочеловеческое равновесие и гармония отличают не только Личность Христову, но и Тело Его – Церковь Божию. Мой скромный окончательный ответ на Ваш вопрос гласит: для великого исторического ковчега, именуемого Церковью, соборность – единственный возможный путь между Сциллой централизации и Харибдой анархии.

– Продолжаются проблемы раскола и вызванного им ослабления церковного единства, которые в мировом масштабе, при вмешательстве иностранных и, прежде всего, западных держав, нанесли тяжкий исторический удар по всему Православию. Ничто не препятствует дальнейшему появлению новых неканонических независимых Церквей после создания так называемой «Православной церкви Украины». Эти процессы угрожают и Сербской Православной Церкви – в особенности её Охридской Архиепископии и Черногорско-Приморской митрополии. Можно ли сказать, что упомянутая опасность в отношении Черногорско-Приморской митрополии на сегодняшний день с определённостью устранена и что мы в этом смысле можем спокойно смотреть в будущее?

– Обстоятельства таковы, что от «дипломатического языка» и эвфемизмов сегодня нет большой пользы. Конечно же, и лучше, и изящнее было бы пользоваться возможно более тонкими выражениями, однако это утратило всякий смысл перед лицом бульдозерной дипломатии. Как это выглядит на практике, демонстрирует следующий пример. Председатель Синода одной из ведущих Православных Церквей, как и большинство в ее епископате, клире, монашестве и народе, не проявлял никакого энтузиазма в отношении решений своей Матери-Церкви, Константинопольского Патриархата, принятых в связи с церковным кризисом на Украине, – в том числе уже нашедших применение, посредством которых кризис якобы преодолевается, а единство Православия в той стране – восстанавливается. Но на самом деле общеизвестно, что поспешные решения и неканонические меры не только не обеспечили преодоление раскола на Украине, но привели к его дополнительному углублению, а затем вызвали раскол и между отдельными

Православными Церквями, и внутри некоторых из них. Так бы и продолжалось дальше после длительного молчания авторитетного Архиепископа, если бы на сцену вдруг не вышел господин Браунбек – посол США, призванный наблюдать за положением религиозных свобод не только на территории своей страны, но и на других меридианах (имеется в виду Сэм Браунбек, с 2018 года курирующий в американском Госдепартаменте вопросы свободы вероисповедания в мире – прим.). После семи-восьми его визитов к Архиепископу и бесед с ним – вероятно, на темы богословской науки и, особенно, проблематики из области канонического права, – в позиции Архиепископа и Синода при нем неожиданно происходит «коперниканский поворот». Результат? – Мгновенное формальное признание раскольнической структуры на Украине в качестве настоящей Церкви, несмотря на противоположное видение дела многими авторитетными канонистами и богословами этой Церкви!

Похожие сцены разыгрывались в ходе встреч американских официальных лиц с Предстоятелями и высокими представителями также некоторых других Православных Церквей. Действуя от имени своего поистине великого и могущественного государства, упомянутые официальные лица открыто и публично вмешиваются во внутренние религиозные и канонические проблемы отдельных Поместных Православных Церквей, хотя такая деятельность не отвечает духу и букве демократической конституции их собственной страны. Не хочу, чтобы мои слова были восприняты как инсинуации или необоснованные выводы. Не хочу своими словами предложить индульгенцию тем ответственным представителям Церкви, которые, по моему мнению, недостаточно ответственно следят за опасностями и искушениями в сфере проблематики церковного единства. Я всего лишь передаю то, что сам читаю, вижу и слышу. Хочу, насколько могу, послужить истине, *sine ira et studio* (без гнева и пристрастия).

Что касается статуса нашей автономной Охридской Архиепископии и нашей епархии (или митрополии) Черногорско-Приморской, я верю: он сохранится таким, каков есть и как он определён в константинопольском Томосе 1922 года, будучи запечатлён также всеправославным консенсусом. Цена единства нашей Поместной Церкви весьма высока. Мы не должны забывать ни страдание и терпение Иовлево, понесённые за единство Церкви архиепископом Охридским Иоанном, ни борьбу и такое же терпение недавно почившего митрополита Амфилохия во имя Сербской Православной Церкви и ее свободы.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/59615/>